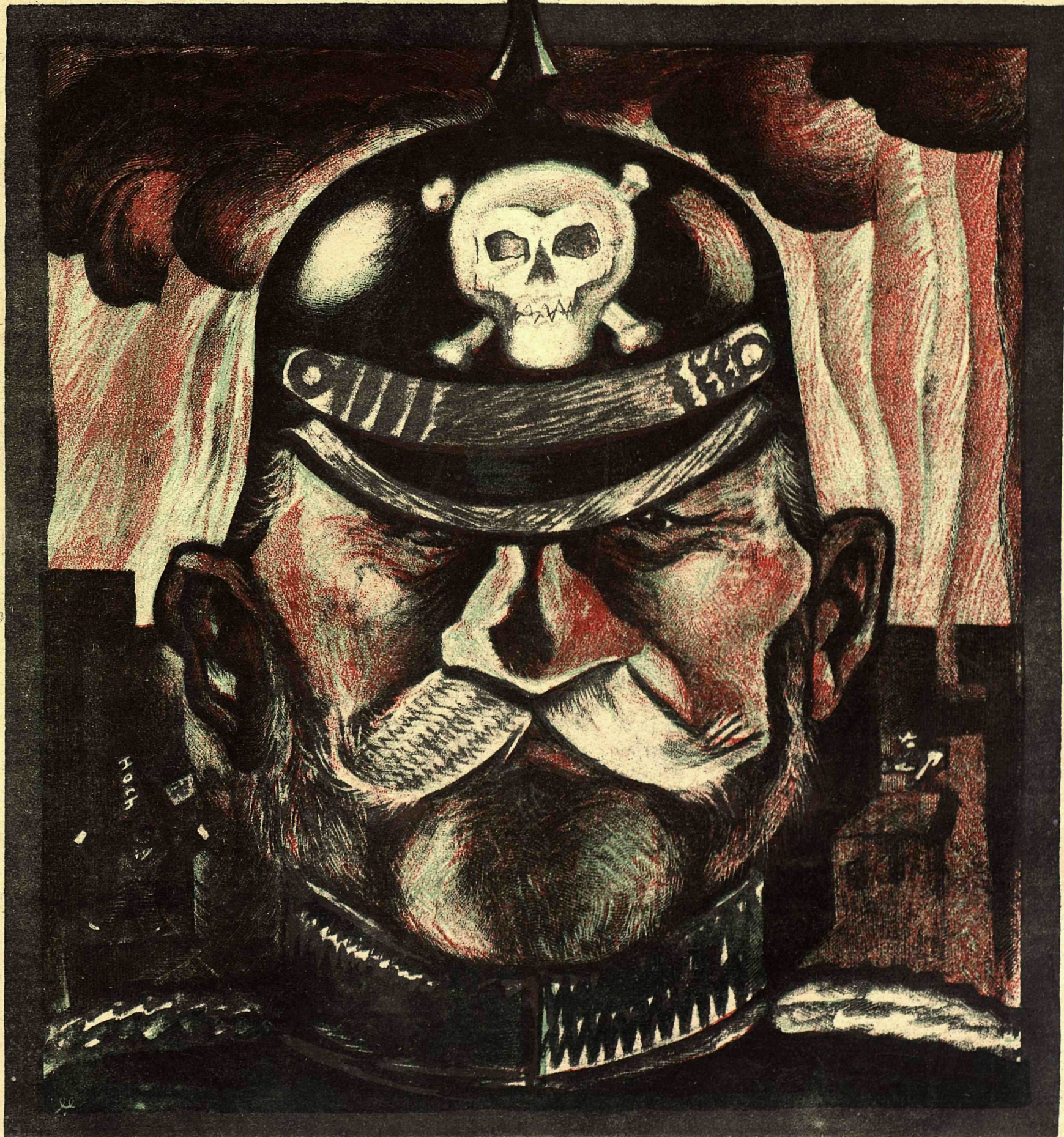

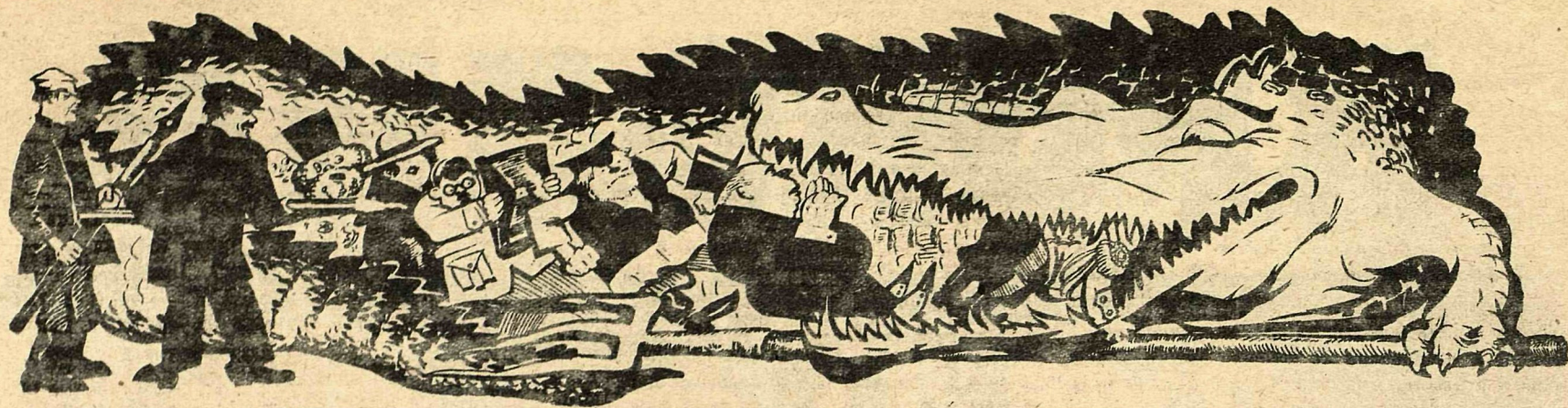
КРОКОДИЛ

ГИНДЕНБУРГ-ПРЕЗИДЕНТ.

Рис. Ю. Ганфа.

Даем эту голову на отсечение, что в Германии советская власть все-таки будет!

ЗЛОУМЫШЛЕННИК.

(Совсем по Чехову).

Перед народным следователем стоит крупный коренастый мужчина в фланговой толстовке и брюках на выпуск. Его начисто обритое лицо и несколько остекленелые глаза под слабо намеченными белобрысыми бровями имеют выражение чиновничьей уверенности. Деликатно прилизанный и примасленный пробор придает лицу еще большую уверенность. На ногах ботинки „сороход“.

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойдите поближе и отвечайте на мои вопросы. Сельгом числа сего месяца ревизионная комиссия в лице товарища Ивана Семенова Акинфова при проверке сумм фабзавкома установила факт их растраты вами на личные нужды. Вот этот акт ревизионной комиссии. Так ли это было?

— Чего-с?

— Так ли это было, как описывает в акте ревизионной комиссии тов. Акинфов?

— Ну да, было!

— Хорошо! Ну, а для чего вы растрчивали деньги?

— Чего-с?

— Вы это „чего-с“ бросьте, а отвечайте на вопросы: для чего вы растрчивали деньги?

— Если-б не нужно было, не растрчивал бы, — хрипит Денис Григорьев, косясь на потолок.

— Для чего же вам понадобились эти деньги?

— Деньги-то? Мы тоже-ж одеваемся, обуваемся...

— Кто это — мы?

— Мы, профработники.. Члены фабзавкома, то-есть! Нешто, товарищ следователь, можно без денег? Ежели тебе нужно сапоги или толстовку справить, или жене юбку, разве можь без денег... Чорт ли в нем в товаре-то, что он в магазине лежит? Обужа, одежда, пища, — это все за деньги! А без денег, так это разве рабочий кредит... Так у нас рабочий кредит редко бывает, рабочий кредит — он большие города любит.

— Для чего вы мне про рабочий кредит рассказываете?

— Чего-с? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас всегда так. Конечно, который пьяница, он и разутый проходит, дураку закон не писан!

— Так вы говорите, что взяли деньги для того, чтобы на них одеться?

— А то что же? Не в карты же их проигрывать?

— Одеваться вы можете на получку, аванс взять, наконец, можете!

— Получка — она для другого предобозначена, а аванс могут и не дать! Лучшее членские взносы и не найти. И под рукой всегда, и незаметно.

— Что вы прикидываетесь! Точно вчера родились, или с неба упали: разве вы не понимаете, глупая голова, к чему ведет это растрчивание? Не догляди ревизионная комиссия, вы бы еще больший ущерб профдвижению причинили! Вы бы подорвали всю профсоюзную работу!

— Избави господи, товарищ следователь! Зачем подрывать? Нешто мы белогвардейцы или буржуи какие? Сколько годов на пользу профсоюза работаем, а не то что подрывать... Что вы-с!

— А отчего же, по-вашему, хромает союзная работа? Две-три растраты рабочих денег, — и союзу уже тяжело, подорвано доверие!

Денис усмехается и недоверчиво шурит на следователя глаза:

— Ну! Уж сколько времени всем завкомом деньги растрчиваем, и ничего! А тут подрыв профсоюзной работы... рабочие деньги... Ежели бы я к рабочему в карман залез или, положим, из кассы всю рабочую получку унес, ну тогда, пожалуй, плакали бы рабочие денежки. А то... тьфу! членские взносы!

— Да поймите же, членские взносы вносятся рабочими из своего заработка и идут в союзную кассу!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все растрчиваем... оставляем.. Не без ума делаем... понимаем!..

— Сколько уже статей было на эту тему, — говорит следователь. — Теперь понятно, что основание было...

— Конечно, вы лучше знаете... А мы статей не читаем.. Некогда нам, да и непонятно...

— Все вам понятно, это вы только прикидываетесь, врете..

— Зачем врать? Спросите в фабзавкоме, коли не верите! Конечно, в лавочке у Афанасьича кредит могут открыть на керосин на какой-нибудь, на картошку там. А ежели сахару взять, — на что уж теперь нет кризиса, и то без денег не дают...

— Вы еще про рабочий кредит расскажите! — улыбается следователь.

— Рабочий кредит у нас редко бывает... Зайдешь без денег к Афанасьичу, отпустит керосину или картошки, да и то редко!

— Ну, довольно, помолчите!

Наступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зеленым сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собою не сукно, а солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне иттить? — спрашивает Денис после некоторого молчания.

— Нет. Я должен взять вас под стражу и отправить в Допр.

Денис перестает мигать и, приподняв брови, вопросительно смотрит на следователя.

— То-есть как же в Допр? Товарищ следователь! Мне некогда, мне на завод надо, с Егора за три месяца членские взносы получить надо...

— Молчите, не мешайте.

— В Допр... Было бы за что, пошел бы, а то так... здорово живешь! За что? Ни спекуляции, ни саботажу, ни контр-революции... Может, вы насчет выборов сомневаетесь, так вы секретарю губотдела не верьте, товарищ следователь... Вы управдела заводууправления спросите... Сключник он, секретарь губотдела-то...

— Молчите.

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что секретарь губотдела набрехал, так это я хоть всей ком'чейке скажу! Нас три брата в завкоме: Кузьма Григорьев, стало быть, Егор Григорьев и я — Денис Григорьев...

— Вы мне мешаете... Эй, конвойные! — кричит следователь. — Увести его!

— Нас три брата, — бормочет Денис, когда его два красноармейца ведут из камеры. — Брат за брата не ответчик... Кузьму не так выбрали, а ты, Денис, отвечай... Судьи! Надо судить умеючи, а не зря! Хоть и из союза исключи, но чтоб за дело, по совести...

Вл. Павлов.

ЭКСПОРТ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН.

Положение было критическим.

Назавтра наступал последний срок сдачи зачета, а с нарушением сроков рабфак, на котором учился Стамескин, шутить не умел.

К тому же тема была заковыристая. „Послевоенная экономика. Экспорт“.

Ну, что может честный рабфаковец сказать по этому поводу, если у него не случилось времени ознакомиться с рекомендованными пособиями?

— Справлюсь, — решил он. Газеты вывезут! — Не даром каждый день по две читаю!

И справился, представьте себе! На то он и рабфаковец!

На листе оберточной бумаги, карандашом, который оставлял на ней след не более заметный, чем от ногтя, было начертано:

„Послевоенная экономика, по линии вывоза — пустяковая. Турция за последнее время, пользуясь отсутствием заградительных пошлин, энергично развивает экспорт духовенства православного вероисповедания в Грецию, вплоть до перенасыщения рынка.“

Хотя, впрямь до заключения торгового соглашения, вывоз убийц из Германии в СССР еще и не урегулирован, первая партия их поступила в Москву, где на нее был наложен временный арест.

По последним сведениям, Китай намеревается приступить к вывозу иностранных дипломатов (по одиночке. Сначала — корпус, а потом — голову).

Что же касается Франции, то последняя, в виде одолжения для СССР, снабжает своих соседей коммунистами иностранного происхождения. Польша!..

Стамескин задумался. На Польшу он решил закончить свою докладную записку и лечь спать. Но что — Польша?

„Польша ничего не вывозит“ — нашелся он. — „Зато ее вывозит... нелегкая и американский заем!“

Крепок сон человека, исполнившего свой долг.

В. Авиллов.

Этот номер „Крокодила“ печатается на новых заграничных машинах системы „Оффсет“ и ЯВЛЯЕТСЯ ПРОБНЫМ в отношении печати.

В ближайшем будущем „Крокодил“, в связи с получением этих усовершенствованных машин, переходит на четырехкрасочную печать.

Редакция „Крокодила“.

„А Л Ы Й Л У Ч И К“.

(Революционное пособие для красных граждан младшего возраста).

I.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Принимая во внимание, что старое уже состарилось, а новое еще не нароилось, издательство „Все для всех“ выпускает книгу „Алый лучик“, которая послужит революционным пособием, проливающим луч свободы на пр-жние, скованные цепями, времена.

Издательством использованы некоторые отрывки из произведений лучших наших поэтов, которые хотя и умерли до Октябрьской революции, но в своих уважаемых рифмах предсказали все, что ныне стало злобой дня.

Комментарии к отрывкам стихов согласованы с комитетом „охраны материнства и младенчества“ и с добровольным обществом „друг детей“. Отнюдь не следует, поэтому, думать, что предлагаемый сборник является одним из образцов обычной хрестоматийного типа халтуры и не имеет ничего общего с революционной современностью.

ОТРЫВОК ПЕРВЫЙ.

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь —
Смотрит солнышко в окно.
Человек, и зверь, и пташка, —
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

„Человек, и зверь, и пташка — все берутся за дела“; на языке современном это обозначает: „не трудящийся да не ест“. И, как видно, лозунг этот получает широкое распространение не только в человеческих кругах но и в птичьих и животных.

„За медком летит пчела“ — строка, показывающая, что автор неясно представлял себе выработанные нашей революцией сокращения слов. „Медком“ — такого слова нет, есть „медфак“, т.е. медицинский факультет госуниверситета, и вышеозначенную стихотворную строчку надлежит читать таким образом:

„На медфак летит пчела“.

ОТРЫВОК ВТОРОЙ.

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Двустороние „румяной зарею покрылся восток“ есть явное указание на то, что пролетарская революция начинается с востока.

Огонек, который потух за рекою, ничего общего не имеет с „Огоньком“ Мосполиграфа, который хотя и потух перед Октябрем, но ныне вновь вспыхнул на красных началах.

ОТРЫВОК ТРЕТИЙ.

Попрыгунья-стрекоза
Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Здесь явная недоговоренность: автор называет лето — красным. О цвете других сезонов он почему-то умалчивает. Стрекоза — личность явно интеллигентского происхождения, не учитывающая окружающей обстановки и общественной ситуации.

Здесь также сказывается и то, что попрыгунья во-время не обернулась „лицом к деревне“.

ОТРЫВОК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо,
Звезды блещут.

На Украине тихо. Ночи проходят беспогромно. УССР отдохнула от белополяков и петлюровски-махновских банд и пребывает ныне в мирной тишине.

ОТРЫВОК ПЯТЫЙ.

Нива, моя нива,
Нива золотая,
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.

„Нива золотая“ есть денежная реформа на базе сельского хозяйства. „Колос“, хотя в нем второе „с“ упущено, надлежит читать, как „колосс“ и обозначает сие наш Союз.

ОТРЫВОК ШЕСТОЙ.

Лысый, с белой бородою
Дедушка сидит,
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

Дедушка с белой бородой — определенный намек на белую эмиграцию. „Чашка с хлебом и водою“ — жалкая пища бело-эмигранта.

Л. Митницкий.

В РЕСТОРАНЕ.

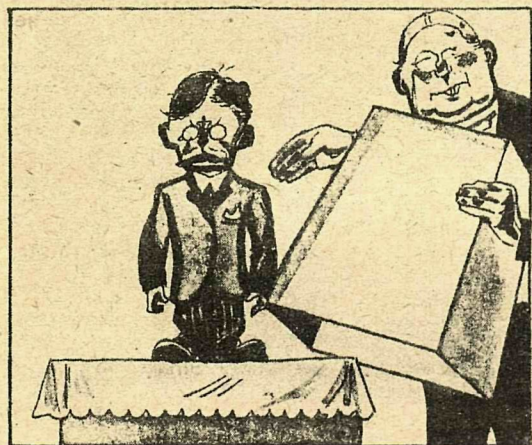
— Вам прикажете бифштекс по-гамбургски?
— Все равно, можно и по-варшавски, лишь бы с кровью.

Заправили английской рабочей партии, избранные в верхнюю палату, получили временное звание лорда.

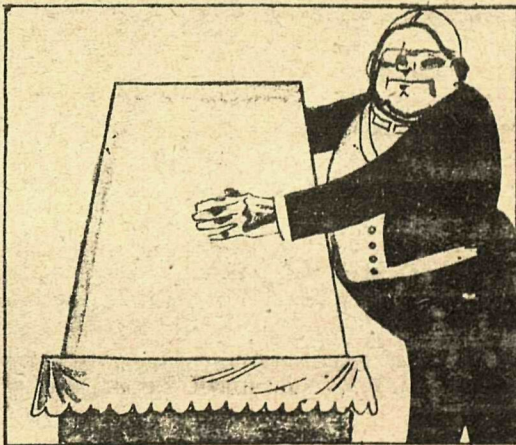
(Из газет).

Рис. Бор. Ефимова.

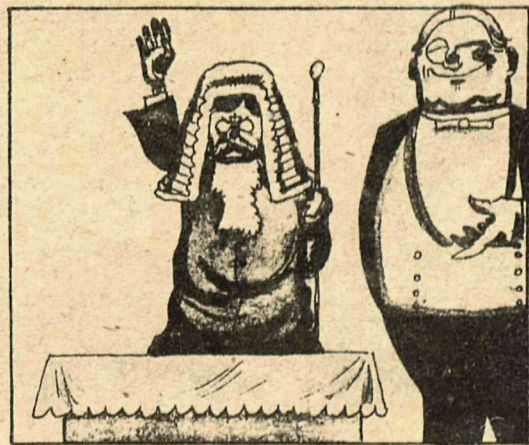
ПОЛИТФОКУСЫ В АНГЛИИ.

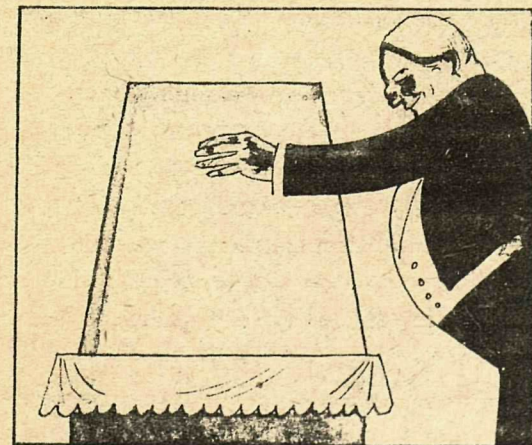
1. Вот, многоуважаемые лэди и джентльмены, перед вами один из обыкновенных вождей нашей рабочей партии.

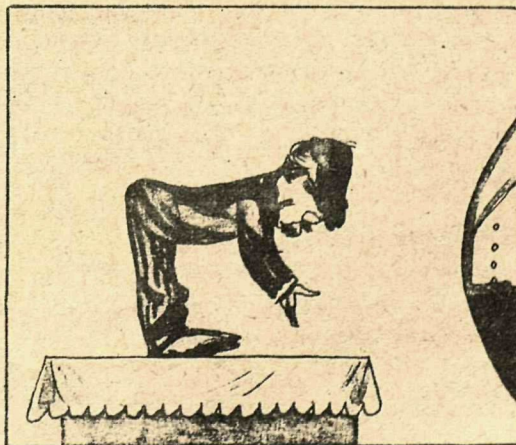
2. Я накрываю его колпаком... Раз! Два! Три!...

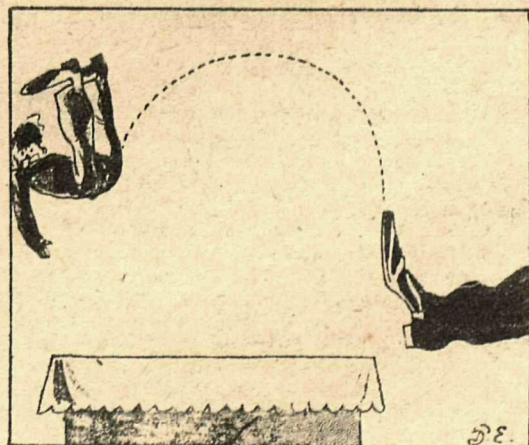
3. И перед вами не какой-нибудь хрен свиначий, а лорд. Прошу убедиться.

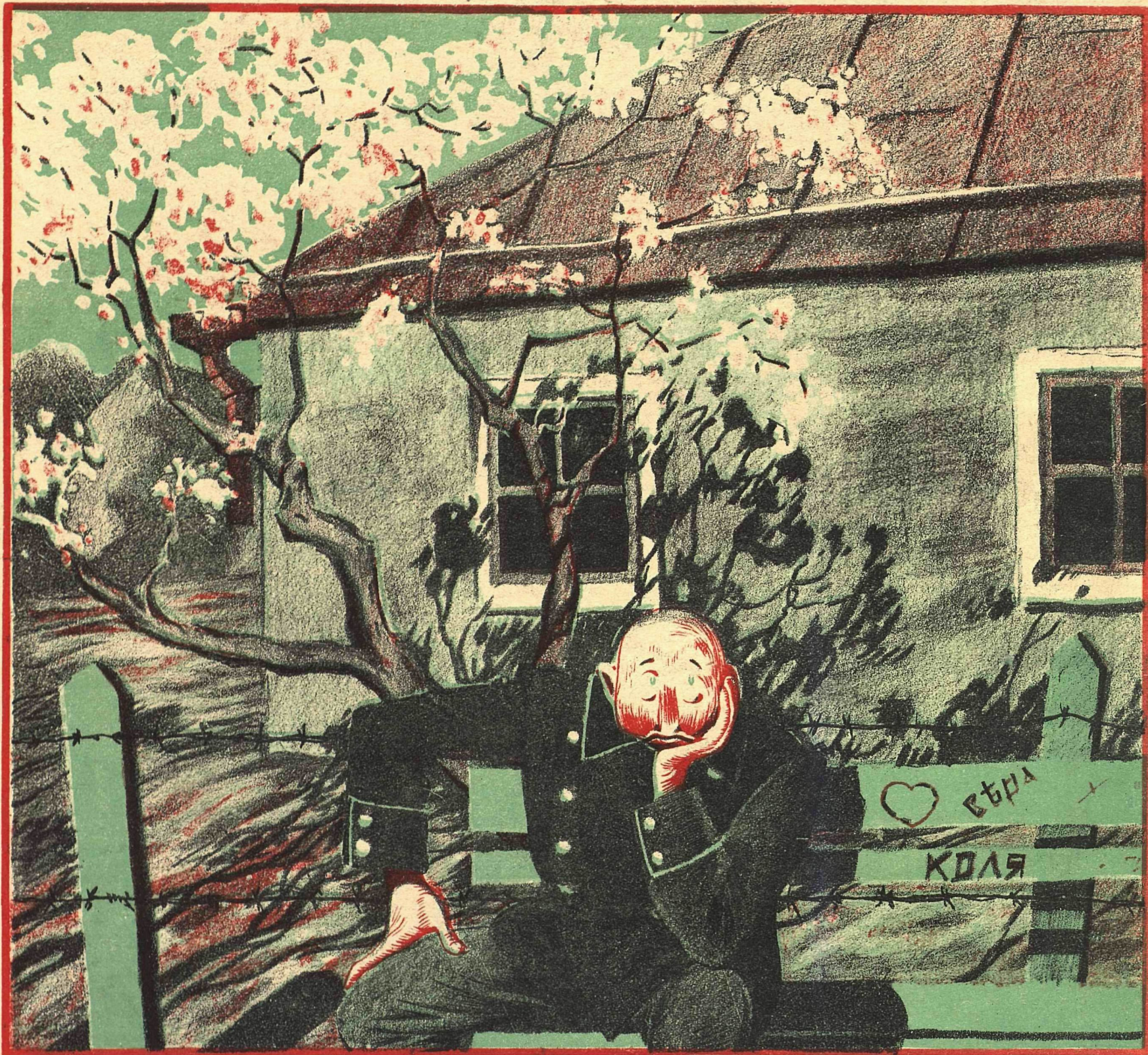
4. Теперь, за минованием надобности, я лорда прикрываю. Раз! Два! Три!...

5. И что же? Перед вами — прежний член нашей рабочей партии.

6. Теперь разрешите перейти к следующему номеру нашей программы.

Все теперь удобней и иначе,
Чем, примерно, в девятнадцатом году:
Можно вновь толстеть и жить на даче
И ловить насаинов в пруду...

Спец... Оклад на службе персональный
И добавочная площадь из Кубу.
Почему бы быть теперь печальным?
Почему бы не хвалить судьбу?

Зацветают яблони и вишни,
Солнце жжет, как ласновый огонь.

Далеко за речкою, чуть слышно,
Залилась извечная гармонь.

Но под френчем форменным—так душно,
В сердце барском—горечь и печаль,—
Как забыть свой дом, свои конюшни,
Свой завод, увлечший в „Югосталь“?

Как забыть повозки за границу,—
Пестрый вихрь из женщин, вим и карт?
Как не вспомнить золотую Ниццу,
Монте-Карло бешеный азарт?

Там одна единственная ставка
Сотни ставок спецовских брава...
А теперь? Чужая дача... травна...
Служба... страх... волненья и дела...

Паавда, сотни близких и знакомых
Не смогли устроиться и так.
Им зато не говорить с завкомом
И директор красный—им пустяк.

Что весна, когда на сердце слезы?..
Не разгонят яблони печаль—
Если дача—дача Откомхоза,
А заводом правит „Югосталь“...

Вас. Лебедев-Кумач.

Милиционер Панталыкин только-что сменился с поста. Сегодня он устал больше обыкновенного: бестолковая, нестроя праздничная толпа требовала особенного внимания... Милиционеру Панталыкину очень хотелось есть и, спеша домой в свою одиночную каморку, он вдруг озабоченно уставился на закрытые двери булочной:

— Чорт возьми—сегодня ведь нигде не торгуют! А дома—ни крошки... Ну, ладно, купим у разносчика—вон их сколько!

И Панталыкин, быстрым шагом, направился к целой веренице баб, девчонок и мальчишек с корзинами, полными снеди. Но вдруг...

Ураган, вихрь, самум—не смог бы быстрее сдуть торговцев с мест! Как легкие пушинки отлетели они от Панталыкина, закружившись в вихре по улице.

Напрасно Панталыкин пробовал их догнать. Мальчишка с хлебом (с вкусным заварным караваем), которого Панталыкин почти настиг,—вдруг обернулся и подставил ножку, высунув язык.

Падение Панталыкина было встречено всеобщим смехом и улюлюканьем.

Он встал, стряхивая пыль с шинели и оглядываясь по сторонам, как затравленный зверь. Веер корзинок впереди манил своей недосыгаемостью.

— Здесь ничего не выйдет,—решил Панталыкин.—Много народу—один только позор. Пойду дальше. Там, где-нибудь в переулочке—спокойно достану все, что нужно...

И он зашагал дальше, минуя центральные улицы и зорко всматриваясь по сторонам. В одном из переулков он заметил, наконец, бабу с хлебом. Баба стояла к нему спиной, и Панталыкин подошел к ней вплотную, стараясь изобразить на своем уставлом, запыленном лице подобие доброжелательной улыбки и расположения:

— Ну-ка, молодка...

И слегка тронул бабу за плечо.

Баба обернулась, взвизгнула, побелела, закричала и, подхватив корзинку, с диким, нечеловеческим воплем бросилась бежать...

На этот раз Панталыкин даже не пробовал догнать торговку. Он грустно стоял на мостовой, беспомощно опустив руки.

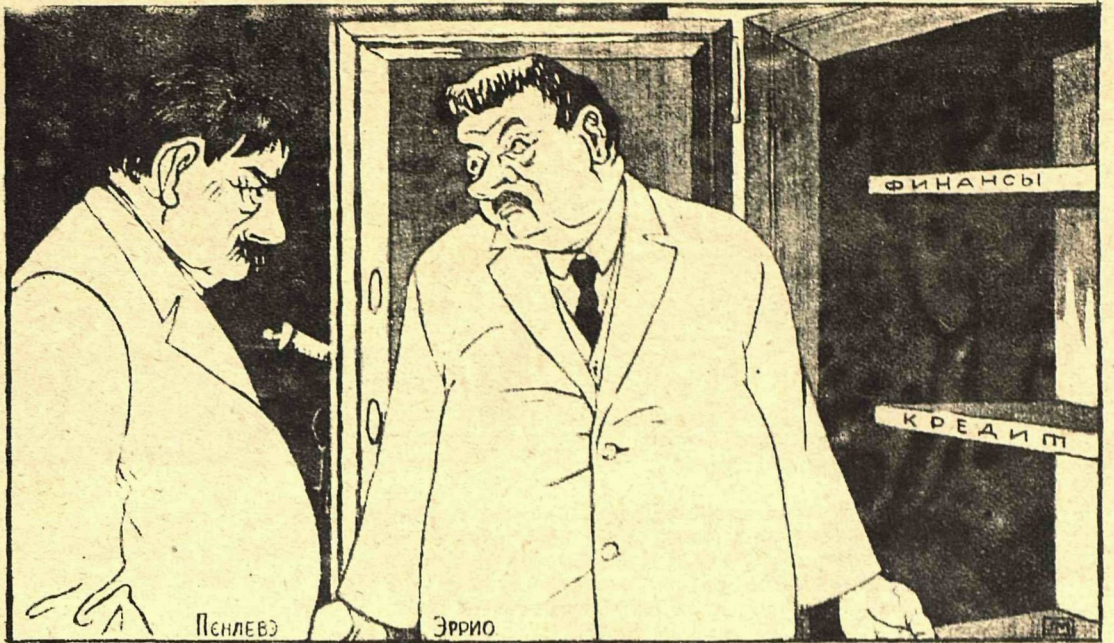
— Бегут, как от чумового какого... За человека не считают... Приду домой—попрошу мальчишку хозяйкиного сходить... Самому—все равно не купить.

И грустно стало милиционеру Панталыкину: вспомнились долгие вечера на посту, под дождем и в мороз, вспомнилась почему-то деревня и...

И вдруг лошадиная морда уперлась ему прямо в лицо и подобострастный извозчиков голос промолвил над самым ухом:

— Хе-хе!.. Подайтесь, товарищ милиционер, легонечко от плитуара, а то вас так никак об'ехать невозможно. Уж очень в аккурат встали.

Вас. Лебедев-Кумач.

Сдача дел.

ВОР.

Беда. Чорт знает, что такое делается в доме № 17 (угол Энгельса и Дегтярной, бывш. гостиница „Неаполь“), дня не проходит, чтобы не случилось кражи. И заметьте: все одним фасоном—пилочкой замок шик-шик, и ваших нет. Готово. Прощай примус, пальто, калоши...

Каждое воскресенье, в 5 часов вечера, жильцы дома № 17 собирались в клубе и обсуждали—„какие меры принять с участвующимися кражами“.

Еще месяца три тому назад выбрали тройку, Босвор—борьба с ворами. И никаких последствий—кражи продолжались.

И в 5 часов вечера, по воскресеньям, потерпевшие жаловались общему собранию:

— Только что получил в рабкредит сапоги. Не успел хорошенько примерить. Сперли. А теперь изволь—из жалованья высчитывают, а сам без сапог...

— Два замка повесила. Думала, ублюду. Какое! Три смены белья, две простыни, коврик и деньгами 17 руб. 50 коп., как не было...

— Все это, товарищи, происходит по нашей же вине. Надо лучше приглядывать за своей комнатой. Жалобами сейчас не поможешь. Вот уж 8-й час, а как ликвидировать эту заразу, никто толком не сказал. Вносите конкретные предложения.

Это заявление завдому было всеми одобрено. Прения прекратились. И постановили: „войти с ходатайством в уголрозыск на предмет присылки собаки-ишейки для обнаружения вора“.

В конце заседания завдом этот задержал на минуту жителей и утешил:

— Товарищи. Не приходите в отчаяние, общими усилиями этого вора, безусловно словлю. Быть того может. Мы, как администрация, со своей стороны вложим все усилия к тому, чтобы поймать в разита и негодяя тринадцатых масс. Но идите и вы к нам навстречу. Как бы что-нибудь заметит, беги галопом ко мне, а я уж знаю, что делать.

И жильцы, хоть не раз уж это слышали, все-таки расходились с некоторой надеждой на успех.

На следующий день пришел агент уголрозыска в черной поддежке и коричневой фуражке.

В правой руке на ремешке виляла хвостом собака шоколадного цвета.

Джими,—шепнул агент в обрезанное ухо пса, иши. Джими obeжал все коридоры и вернулся обратно.

Агент произнес иронически: ясно, раз следов нет, так и ишейки проходить не следует.

И ушел обиженный.

Жилец комнаты № 85 имел обыкновение, замкнув дверь, прятать ключ в карман. Это он делал вот для чего: ежели придут приятели, они постучат, постучат, затем глянут в замочную скважину, увидят, ключа нет,—значит, хозяина нет. И уходят.

— Так спокойней,—рассуждал Иван Алексеевич Мятелица—преподаватель химии в 1-й ступени. Сегодня так же, как и вчера, он сейчас же после службы сел за чертежи.

Черчение его побочный заработок.

И вдруг слышит, кто-то скребется в дверь. Иван Алексеевич глянул... И замер. Он увидел черной змейкой проскользнула пилочка, о которой так много говорилось каждое воскресенье на собрании. И еще увидел, как из-за чуть приоткрытой двери медленно начала просовываться чья-то рука. Иван Алексеевич схватил столовый нож, подпрыгнул и изо всей силы шмякнул по пальцам. Кто-то отчаянно вскрикнул „ай“ и затопал по коридору.

— Вор! Вор!.. Ловите!—закричал после некоторого оцепенения жилец комнаты № 85 и выбежал в коридор.

— Вор! Вор! Держите!—кричали перепуганные жильцы.

Иван Алексеевич кинулся в контору.

— Где завдом? Только-что... Вор... Где завдом? Где? Скорее...

Кто-то из конторских ответил:

— Завдом побежал к врачу, у него что-то там с рукой случилось.

Б. Левин.

ЭХ, РАДИО!

Расхрабрился нонче Нил:

Слышала в ограде я—

Чемберлену эн решил

Плюнуть в нос по радио!

Средь мальцов тут—суета,

Охают родители.

— У ребят заместо рта—

Громкоговорители!

Новый быт пошел у нас,—

Будет жисть отменною:

Октябрь дочурку Влас

И назвал Антенною!

Радио-концерты Тит

Слушал раз в питомнике—

И решил, что чорт сидит

В радио-приемнике!

Удивляется Федул:

— Чудотворна крыша-ли?

Васька в ГОРОДЕ чихнул,

Мы в ДЕРЕВНЕ слышали!

Псой ругался так и сяк,—

С горя, вишь, бессонница:

— Эх, по радио никак

Самогон не гонится!

И зимою и весной—

Мысль в умишке Ванином:

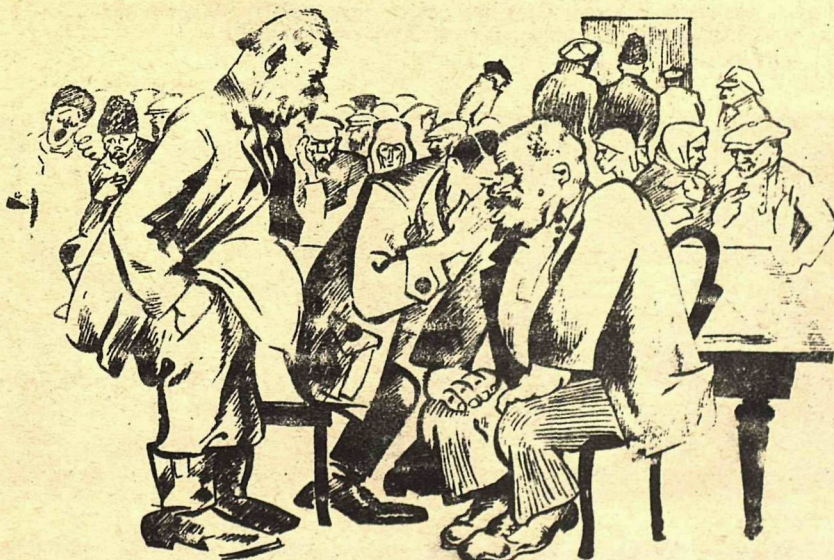
— Вот бы радио-волной

Окатиться в бане нам!

Д. Долев.

Рис. В. Михайлова.

ПЕРЕВЫБОРЫ ПРАВЛЕНИЯ.

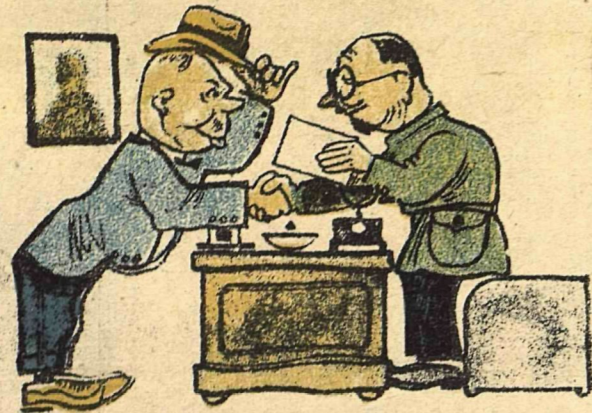

1-й ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ:—Нужно еще выслушать докладчика часа на два...

2-й ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ:—Брось, надоело...

1-й ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ:—Мало-ли что надоело! Скоро перевыборы, а народ не расходитя...

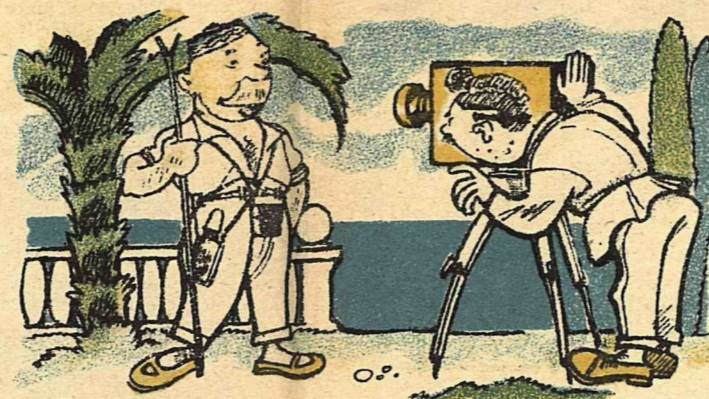
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОСВИНКИНА.

1. — Я—инвалид,—говорил Освинкин знакомым, подмигивая. — У меня всего одна рука и та в Наркомздраве. Надо ее использовать.—Использовал ее Освинкин и получил льготную путевку на курорт.

2. — Люблю попутчиков... И попутчиц тоже,—сказал Освинкин, расположившись в купе.— Терять нечего, все равно еду лечиться!

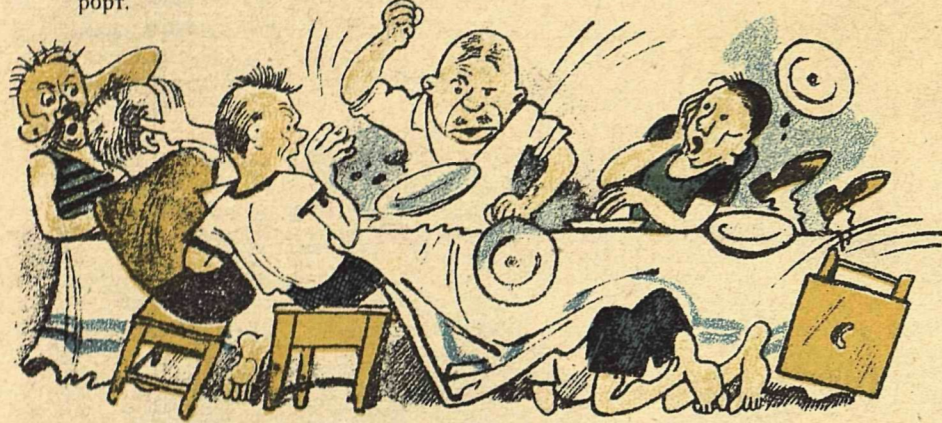
3. — По приезде, Освинкин прежде всего приобрел вид старого заматерелого курортного волка.

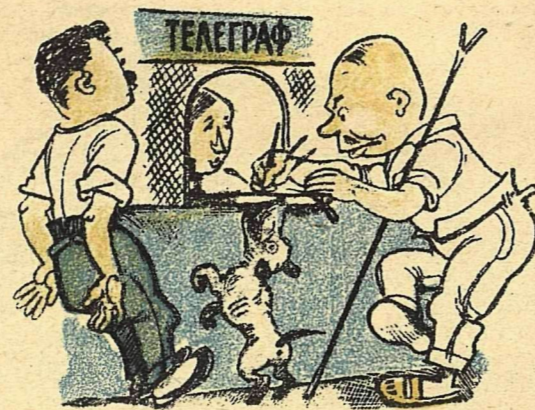
4. — Ба! Песик! Ишь, какой худой! Идем со мной, песик, в санаторий. Надеемся на Освинкина. За Освинкиным не пропадешь. Подлечишься, фунтов 10 нагонишь. Ай-да!

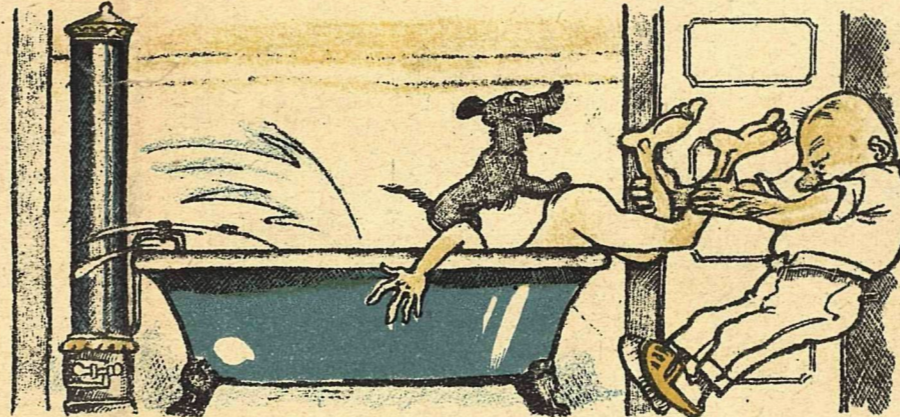
5. — У нас, товарищ Освинкин,—сказал на осмотре врач,—три основы лечения:—режим, режим и режим. — Это можно, — отвечал Освинкин,—режим я люблю. Идем, песик, обедать. — И потекла безмятежная, полная тихих радостей, санаторная жизнь Освинкина.

6. — За обедом Освинкин восстанавливал справедливость: — Какой же это, к чертовой матери, режим, когда моей собачке дают вегетарианский стол? Опить же водки нет. Я вам покажу! Я буду жаловаться!

7. — Телеграмму! Срочную! Спешную! Совершенно секретную! В президиум ВЦИК'а, копию ВУЦИК'у, Коминтерну, Госкино и Моссельпрому.

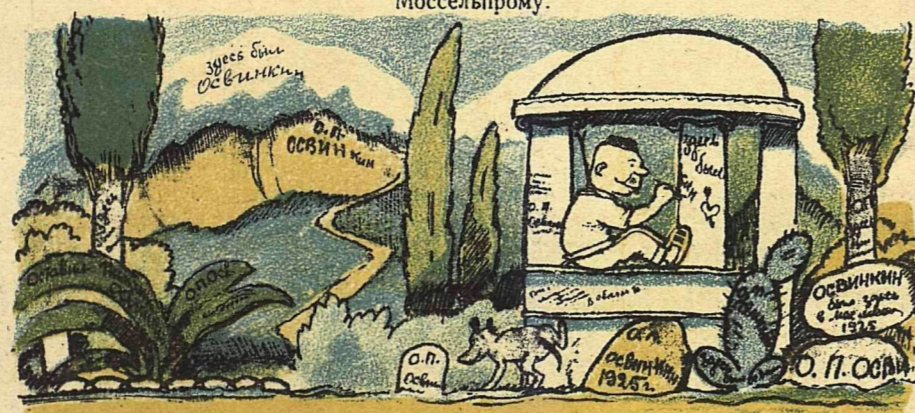
8. — Ух, умирался я с этими телеграммами. Выкидывайтесь, граждане, из ванны. Дайте больному подлечиться. Пить, пить, Трезорка, занимай ванну. Разве их, сволочей, дожлешься?

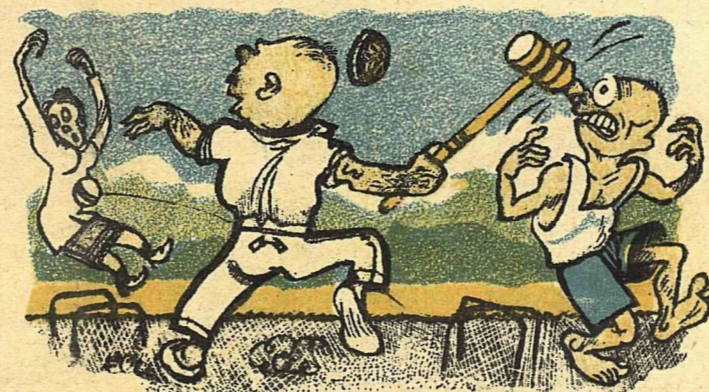
9. — Какая это скотина там стучит? Дайте прочитать справочник „Весь СССР“. Дочитаю и выйду!..

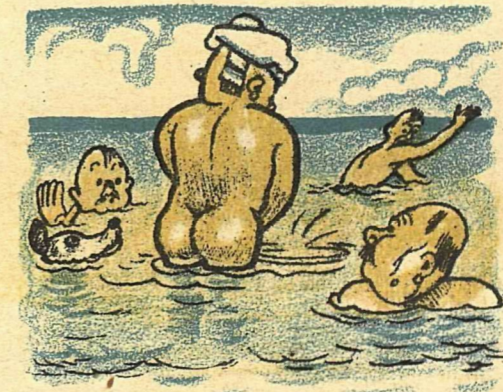
10. — Ворона! Дрянь ты этакая, мертвый час, а ты каркаешь, больным не даешь отдыха. Где мой наган? Ба-бах...

11. — Ах, какая красота! Страшно люблю красоту! Пусть знает весь СССР, что здесь был и наслаждался природой — я! И ты тоже, цюцки!

12. — Крокирую! Второй красный! Прохожу мышеловку! Убиваю разбойника! Хлясы!..

13. — Боже! До чего чиста и прозрачна вода, как много ярких красок. Как много купающихся. Отпльви, цюцки, а то я тебя замочу...

14. — Чи-жик, чи-жик. Люблю хорошую музыку. Жаль только, что фадиз уже не действует...

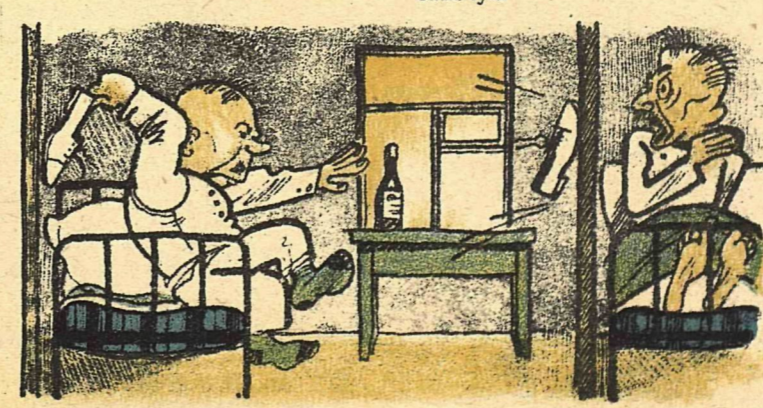
15. — Ты что, псина, скулишь? Вина просишь? Тебе нельзя пить. Я — другое дело: я товарища провожал. И завтра буду провожать!

16. — Дорогая, с каждой минутой я чувствую приток новых сил. Лунные ванны полезнее солнечных. И цюцки это может подтвердить. Подтверди, цюцки.

17. — Отворите! Отворите! Я не хочу тревожить больных и выбивать раму, отворите, а то выбью! Дьявольские порядки!

18. — Нет больным покоя в этом санатории,—кричал, раздеваясь, Освинкин. — Завтра же еду в Москву долечиваться.

19.—И оставил обиженный Освинкин негостеприимный курорт. Будьте покойны, вы его еще встретите на своем санаторном пути.

ВИЛАМИ В БОК

ОПЯТЬ ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ!

Календарь Госиздата, например, клянется, что 6-го марта солнце восходит в 6 час. 40 мин., заходит в 17 час. 44 минуты, а календарь С.-З. Обл. Промбюро настаивает на том, что восходит оно в этот день в 6 час. 44 минуты, а заходит в 17 час. 37 мин. По-госиздатовски длина дня — 11 час. 04 минуты, а по-промбюровски — 10 час. 53 минуты.

Вот тут и разберись!

ЦЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ.

Считаем своим долгом опубликовать следующее изобретение по хозяйственной части:

Начпульком № полка в Твери Волков придумал хитрую механику с весами. К весам он привязал веревочку, которую и тянул незаметно ногой, обвешивая красноармейцев. За это изобретение Волков посажен в тюрьму.

Изобретение безусловно полезное. Помогает безошибочно определять прохвостов.

ПОПАЛСЯ, ГОЛУБОК.

Брянские рабочие жалуются:

Предзавкома Брянского центрального склада во время занятий уходит гонять голубей.

Чтобы гонять голубей, нужна здоровая такая палка. Дайте же скорее ее т. председателю. Он давно просит палки.

ЗАБОТЛИВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ.

На дверях ацетиленового отделения севастопольского морзавода вывешен плакат: «Надевайте маски. Они сохраняют организм».

А маски до сего времени рабочим не выданы...

Интересно узнать, при помощи чего сохранились на заводе организмы бюрократов?

ГОССВИНАРНИК.

Большую культурно-просветительную работу ведет Тульский госцирк:

Главной приманкой публики служат лотереи. То разыгрывается лошадь, то корова, то свинья в 3½ пуда. А теперь появились борцы — «чемпионы»-надувалы.

И сколько еще у нас этого самого... свинства.

ПРИНЦИПИАЛЬНО.

В «Саратовских Известиях» напечатано: Госцирк.

Вторник, 7 апреля,

Конкурс красоты женского лица.

Принципы в отдельных афишах...

В цирке разные номера выкидывают... Но такой номер, как в саратовском госцирке, хорошо бы навсегда выкинуть.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ.

«Когда пред. правления самарской инвалидной кооперации ругается матерными словами в своем кабинете, то слышно не только в канцелярии, но и в коридоре...».

С такой глоткой не в кабинете сидеть надо, а взобраться на каланчу и оттуда крыть матом... По крайней мере, весь СССР обслуживал бы.

СВЕТ, ДА НЕ ТОТ.

На стеклозаводе «Свет» (ст. Сючинская, Моск.-Екатеринб. ж. д.) творятся такие вещи:

Администрация завода устраивает попойки для рабочих. По случаю окончания ремонта администрация поставила рабочим 8 ведер самогона. Рабочие, напившись, качали мастеров и говорили заву: «Ангел ты наш и благодетель! Мы всей душой! Господи! Да разве мы не понимаем, что-ли!»

Что именно хотели сказать рабочие последней фразой? Может быть, они хотели сказать: «Да разве мы не понимаем, что администрация наша просит хорошей палки?»

КЛЕТОЧКИ.

Товарищ из Терской области нас спрашивает:

Товарищ «Крокодил», как по вашему такая буза? — Врач страхкасы должен заполнять несколько форм месячных отчетных ведомостей, каждая из которых разделена на 4.260 клеточек, при чем застрахованных — 1.600 человек, а врач один. Нельзя ли как-нибудь упростить?

Дорогой товарищ! Мы решили, что тут не буза, а самая настоящая обуза для врача. А для упрощения обещаем ткнуть авторов этой обузы столько раз вилами в бок, сколько лишних клеточек в формах. Небось, не понравится.

ИНСТИТУТ ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ.

С трудом верится, а факт:

Центральный Дом коммунистического воспитания рабочей молодежи (ЦД КВРМ) в Москве не имеет своей сургучной печати и до сего времени пользуется печатью: Институт для благородных девиц ордена св. Екатерины.

Забыли сделать новую печать? А, может быть, и закон божий отменить забыли? Не мешало бы проверить товарищей воспитателей рабочей молодежи, — кто знает, до чего такая забывчивость довести может!

ГОЛОВА С МОЗГАМИ.

В селе Григоревцах, Подольской губернии, во время пожара сгорело несколько хат до прибытия пожарной дружины. Тогда голова сельрады (предсельсовета) решил приучить дружину к пожарам и ночью поднял тревогу. Пожарные увидели зарево, быстро собрались. Оказалось, что хитрый голова поджег скирд соломы, чтобы приучить дружину к быстроте действий.

А еще голова! Не мог пару хат запалить? Разве на соломе приучишь?

КРИЗИС ЖЕЛЕЗА.

— Чтой-то железа нехватает?

— Кузнецкие хозяева на вывески стравили!

Так разговаривают крестьяне Кузнецкого уезда, Саратовской губернии. И не диво. Диво то, что таинственный «Уселькустпромсельсоюз № 1» закатил себе вывеску из 24 листов железа, а не желающий от него отставать и не менее таинственный «Магазин Кузнецкого Управгоспрома» — из тридцати двух листов.

Если бы воротил этих двух примечательных учреждений ткнуть в бок вилами, сделанными всего из трех-четырёх листов железа, и то остального хватило бы на несколько крестьянских изб.

Рис. Н. Купр.

— Идем, сынок, дальше: в этом кооперативе на молоке большой процент берут.

— Они, значит, мама, молокососы?

КРЕСЛО ДЛЯ ЗАВА.

Работники коллектива 3-й советской аптеки, в г. Гомеле, работают в тяжелых условиях. Помещение сырое, темное, дежурной комнаты нет. А главное, нет уборной. Был по этому вопросу техник, а через несколько дней получилось заключение местного коммунального хозяйства: «в виду технической невозможности устройства уборной во дворе, — днем ходить на соседний двор, а ночью устроить комнатный стул в аптеке».

Мы находим гораздо более целесообразным установить этот комнатный стул в кабинете ведающего делом сим зава. Там он будет на месте.

СМИР-Р-Р-НО! РАВНЕНИЕ НА ТВЕРЬ.

«Предлагаю выслать сегодня к семи часам вечера всех свободных милиционеров и комсостав на общее собрание партячейки РКП (б). Собрание будет в клубе «Совработник».

Явка обязательна под командой старшего. Начальник подотдела милиции Петров».

А почему не указаны форма одежды, аллюр? Лозунги? И опять-таки неизвестно, в конном строю или в пешем, с музыкой или только с барабаном?

Эх, тов. Петров. Разве приказы так пишут?!

О КОЛБАСЕ, КАК ТАКОВОЙ.

На Чернореченском хмзаводе, Растяпинского района, Нижегородской губ., все время появляются тухлые мясные продукты. Лавочная комиссия бракует тухлую колбасу и отправляет назад. Тогда появляется свежая колбаса, но на десять копеек дороже на фунт, чем на частном рынке, несмотря на то, что у нас своя колбасная мастерская.

Колбаса — вещь хорошая. Есть даже специальное выражение для кооператоров, неумело торгующих колбасой: катитесь колбаской!

ЖЕНИХ - БЮРОКРАТ.

Гр-ке деревни Павловской, Онежской волости, понадобилось удостоверение для предъявления ее сожителю, в том, что она ни с кем, кроме него, никаких сношений не имела и не думает иметь и впредь. Фельдшер местный в таком удостоверении отказал, зато Кокоринский сельсовет такое удостоверение выдал.

И даже печатью скрепил. Ну, а как же иначе прикажете поступить, ежели жених формалист и бюрократ? Без справки за номером — ни с места. Что, бедной девушке, пропадать из-за формальности, что-ли?

ВЕСЕЛЫЙ ДОМ.

«В доме № 34 по М. Серпуховской улице (Москва) устроили «Ленинский уголок».

«В первый вечер организаторы играли в лото и в карты, второй — во главе с председателем и секретарем жилищарищества до утра плясали, а в третий — пьянствовали»...

Если так пойдет дальше, то что будет в пятый вечер или в седьмой? Даже страшно подумать... Возможно ничего не будет... А только новое правление.

Всяко бывает.

ХОЗРАСЧЕТ НАОБОРОТ.

На Чернореченском заводе имеется моторная лодка, которая построена для перевозки сырья по Оке. Строили ее долго, наконец, окрасили и поперли ее по суше на катках до Оки. Спустили на воду, лодка не идет. Или мотор мал, или лодка велика. Купили новый мотор, а лодка снова ни с места. Тогда моторы сняли, а лодку перевернули вверх дном. Так она и стоит.

Хозяйственный подход сразу виден. Зачем бензин понапрасну портить? Пушай постоит лодка. Заводу от этого прямой доход.

БАБЬЯ ДОЛЯ.
(новая хозполитика в деревне).

Рис. Ив. Малютина.

— За тебя, слышь, богатый мужик из Преловки сватался?
— Сватался, да перестал... Теперь, говорит, и так разрешено нанимать батраков...

„ГАЙДА, ТРОЙКА“
или

„1 НИКИТИН И 100 ПУСТЫХ БУТЫЛОК“.

(Романс).

Гайда, тройка! Снег пушистый!
Словом—форменная ночь.
Светит месяц серебристый.
Сани... Бойкий звон... И проч...

Этот звон настолько бойкий,
Что узнать не повредит:
В этой самой гайдатройке
Кто сидит и что звенит?

При луне отлично виден
Весь пейзаж, и видно, что
В сих санях сидит Никитин
И пустых бутылок—100.
Видно также, очень кстати,
Что, вздымая снежный прах,
Наш Никитин резво катит
На фабричных лошалях.
Пусть больные ждут в затылок...
Прост Никитина расчет:
Едут 100 пустых бутылок—
Остальное подождет!
Гайда, тройка! Рад стараться!
Аж валит от тройки пар!

Едут, едут продаваться
100 бутылок на базар!
Мчатся версты из тумана...
Наш Никитин удалой
На заводе Абельмана
Не пустяк... Не ткач простой!
Он велик в своем Коврове,
Ну, совсем ковровский царь—
Производственного совеща-
нья грозный секретарь.
Эй, Никитин! Меньше шуму!
Меньше прыти, так сказаты!
Это вам не фунт изюму—
Производство подымать! Ол. Тв.

О НЕСОЗНАТЕЛЬНОЙ НЯНЬКЕ.

На Реутовской прядильной фабрике, Московской губ. и уезда, контрольная комиссия гонит всех без разбору на работу.

На днях комиссия предложила стать на работу беременной женщине, чувствующей уже приближение родов. На другой день, изнемогая от схваток, женщина стала все же на работу и родила в тот же день.

Мы усиленно рекомендуем пострадавшей работнице внимательно ухаживать за новорожденным, а то, чего доброго, будет с ним то же, что и с членами контрольной комиссии. Не иначе, их нянька в детстве уронила. Несознательная нянька, что и говорить!

ПРОПАГАНДА СРЕДИ ЛОШАДЕЙ.

Райорганизаторы РЛКСМ в Каменецком округе, на Подолии, находятся в очень скверном материальном положении. В Новоушицком районе, местный исполком зачислил райорганизатора в штат местной пожарной команды на свободную вакансию... лошади. Парень живет тем, что сбывает на базаре полагающийся ему фураж.

Чего доброго, наестся райорганизатор овса и поведет пропаганду среди лошадей местного пожарного обоза. Глядишь, через месяц лошади будут выезжать на пожар не как-нибудь, а сознательно... в порядке комсомдисциплины.

О ВРЕДЕ УВЛЕЧЕНИЯ ТЕАТРОМ.

В селе Саловка (Немреспублика), в пьесе, в любовной сцене, участвовала одна девушка. Ее настоящий возлюбленный принял это за чистую монету, и ночью, в компании с товарищами, учинил кровавую расправу над «соперником».

Эх, чорт возьми, вот если бы можно было поставить по всему СССР пьесу насчет совдураков, волокитчиков и прочих бюрократов и потом темной ночью вывести их всех сразу из употребления,— вот это было бы дело! А то взяли и по ошибке накустыляли ни в чем неповинному слушателю искусства по шее. Что и говорить, пострадал парень идейно.

КНИГА ЗАПИСЕЙ.

В пожарном депо при ф-ке «Пролетарская Победа» в книге записей дежурств и обходов имеется следующая запись дежурного пожарника Чичигина (он же предфабком): «В 12 часов вышел до ветру. Оглянулся вокруг. Все благополучно».

Главное, коротко и ясно. Крокодил ему отвечает так же коротко: «Хоть ты и Чичигин, а не умный».

СПЕЦ - КУПАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ.

Нам прислали от имени слесарей и вообще мастеровых товарищей фабрики имени Зиновьева (село Яковлевское, Середского у., Иваново-Вознесенской губ.) образец прозрачного материала, из которого сделана выданная им прозодежда.

Знатная материйка, что и говорить. Для купальных костюмов в самый раз. Если фабрика должна самоокупаться, это еще не значит, что рабочие должны там в купальных костюмах шеголять.

НУ, И ФАБКОМЕЦ.

Дело было так:

Фабкомец фабрики «Красный Восток», в гор. Зарайске, будучи усердным верующим, остался запертым после службы в церкви, где и провел целую ночь.

А получилось этак: когда «Крокодил» узнал об этом и пропечатал, то фабком постановил: освободить из своего состава такого богомольца, чтобы дать ему возможность всю жизнь молиться и сидеть в церкви.

ПРОСВЕЩАЮТ.

Профуполномоченный по работе среди женщин Гаврилова (Сарапуль, Уральской области) захотела просветить жен служащих и разослала такое извещение:

Собрание жен служащих работников просвещения назначается на 1-е марта. Явка для всех жен обязательна, за неявку отвечают мужья.

Ну-ка, мужья, выполняйте приказ Гавриловой, употребите весь свой мужний авторитет и ташите своих жен на собрание, а не то... тов. Гаврилова рассердится и разошлет новое извещение, по которому все вы будете... исключены из союза.

Ну, и Гаврилова, вот это баба, она сумеет доказать всему мужскому сословию женское равноправие.

ПАМЯТНИК.

Каждый хочет прославиться. Ковзанович прославился так:

Прошлой весной секретарь Плешеницкого волкомпарта Ковзанович производил сбор по подписным листам на памятник Ильичу. Прошло после того порядочное время, Ковзанович уехал, а о памятнике ни слуху, ни духу. Тот, кто давал деньги, старался узнать, где они, но безрезультатно. Случайно нашлись 80 руб., — тогда все заговорили об этом деле, а райком РКП создал для розыска денег специальную комиссию... Комиссия проработала два месяца, денег не нашла. На общем собрании профсоюзов поставили тот же вопрос и в ответ получили: выделить в комиссию от профсоюзов еще двух членов... Только нет надежды на комиссию!

Теперь Ковзанович может с гордостью сказать о себе:

— Я памятник себе всдвиг нерукотворный!

О ЗУБКОВЕ, ЗУБАХ И 230 ЧЕРВОНЦАХ.

В 1923 году поехала делегация для закупки продуктов для Нерехтского рабкооп-па в составе предкоопер. Зубкова, члена правления Банка и предфабкома Пелевина. Эта компания растратила 230 червонцев и ничего не привезла. Вставили себе делегаты, между прочим, на эти деньги золотые зубы. Этот самый предфабкома Пелевин шеголяет теперь перед рабочими с золотыми зубами в должности председателя У. К. К. О. В.

Что же делать, придется хотя бы зубы у Пелевина в залог взять, а то все-таки неудобно как-то... 230 червонцев—денеги для рабочих немалые. Тов. рабочие, когда будете у Пелевина зубы забирать, и Зубкова не забудьте!

КОПЕЕЧНИКИ.

Губбюро юных пионеров.

«Алтайское отделение Сибкрайиздата, ощущая острую нужду в средствах, просит вас погасить числящуюся за вами задолженность с 29-го июля 1924 года в сумме 96 коп., не позднее 25 марта с. г. В противном случае мы вынуждены будем принять ко взысканию с вас долга соответствующие меры.

Зав. Алтайским отделением (Безруков).

Бухгалтер

Делопроизводитель

Ребята, отдайте скорее 96 копеек. Сейчас у них «острая нужда», а там, гляди, и вовсе прогорят...

Ведь от копеечной свечи и Москва сгорела.

ОТКРОВЕННОСТЬ.

Д. С. Разин служил раньше завхозом в Тверском центральном госпитале. Но за грубое обращение с рабочими и нежный шопот с сиделками: «Приходи ко мне на ночь», его вышибли.

Разин — человек не гордый, попросил главбуха Тверкоопсоюза Павлова П. П., а этот и назначил его в завед. финансово-счетным подотделом Коопсоюза. И когда служащие спрашивают у Павлова, зачем такого прохвоста приняли на службу, а служащих, имеющих опыт и кооперативный стаж до 7 лет, сокращают, главбух отвечает:

— Туда нужен хам...

Тов. главбух, срочно телеграфируйте в «Крокодил», — не нужны ли вам тихие идиоты, совдураки, прохвосты, мошенники и пр. Есть блондины, брюнеты, шатены. Молодые и старики. Дефект небольшой, — у всех бока крокодилыми вилами изодраны.

ЕСТЬ ЕЩЕ ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ.

Нет дыма без огня. Факт:

В Москве помещается представительство Шостенского порохового завода. Имеется тут представитель завода Пирожков. Во время наездов управляющего заводом Моисеева, это представительство превращается в форменный притон. Распивают с приводимыми женщинами спиртные напитки и буянят во всю, не давая спать жильцам дома. О размахе кутежей можно судить по тому, что, приблизительно за месяц, накопилось в конторе завода около ста бутылок из-под спирта.

Кутяны с порохового завода, разве вы не знаете, что вы сидите точно на пороховом погребе? Еще один кутеж, и взорвет вас всех так, что, пожалуй, и адрес вашей прежней службы позабудете. С порохом шутить нельзя. Штука опасная.

ГЕНИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ.

Измутительную изобретательность проявила администрация Зубцевской спичечной фабрики (Сев.-Двинской губ.).

Вспыхнул на фабрике пожар, пустили в ход пожарную машину, но пожарные рукава оказались худыми. Тогда сбегали за полотенцами от рабочих умывальников и перевязали этими полотенцами рваные пожарные рукава.

Вы думаете, суть изобретения состоит только в этом? Нет, есть еще поглавнее.

На другой день приходят рабочие и смотрят: у всех умывальников висят чистые полотенца. На пожаре выстирались, а не будь пожара, так и висели бы грязные.

Ну, разве не гениальная администрация Зубцевской фабрики?

НЕ БАНК, А КУРЯТНИК.

Недавно произошла диковинная история с заведующим Госбанком в гор. Красный Луч, Донецкой губернии:

Сидел завгосбанком в своем кабинете.

Вдруг он увидел, что его куры ходят с чужими курами вместе по двору. Рассердился зав, выбежал на двор и начал гоняться за ними. Загнал чужих кур в курятник и начал их бить, щипать перья. Куры подняли крик. На их крик прибежали хозяйки и начали дубасить этого зава, а он их.

Что можно добавить к этому сообщению рабкора? Натура у этого зава, видно, африканская, а не госбанковская. Ну, и куриный боец!

ВЕДЬМА БУНТУЕТ.

В дер. Драньково, вечером на улице сидел парень с девушкой. Вдруг из-за угла неожиданно выбежала большая собака и укусила парня. После этого по деревням распространился слух, что парня укусила не простая собака, а ведьма, какой является 65-летняя старушка. Отец пострадавшего ездил ворожить в д. Лапино. Там ворожея погадала на воде и подтвердила, что собака была не простая, а ведьма. Выколоть глаза ведьме, обозначившейся в воде, гадалка отказалась, ибо это запрещено, по ее словам, советской властью.

Почему же собака-ведьма стала кусать людей? Мы думаем, что ей стало невтерпех от постановки культурно-просветительной работы в Полиновской волости. Теперь можно ожидать, что она покусает, кого следует, не только в волости, но и повыше — в самом Егорьевске.

ОДИН В ТРЕХ ЛИЦАХ.

Истопник Коровников послушался врача И. П. Ласточкина.

Несчастный забыл, что Ласточкин не только врач, но и заведующий 2-й Юрьевцевкой совбольницей и он же завздравотделом. И вспомнил Коровников только тогда, когда получил вот это отношение:

Во 2-ю Юрьевцевскую совбольницу (истопнику Коровникову).

Уздравотдел ставит вам на вид, что если вы еще раз осмелитесь послушаться приказания врача и завбольницей, то немедленно будете уволены.

Завздравотделом И. Ласточкин.

Делопроизводителем Овчинников.

Теперь пускай попробует Коровников не послушаться. В два счета, особым отношением, денесет врач Ласточкин, завбольницей Ласточкину. А завбольницей Ласточкин — завздравотделу Ласточкину. И Коровников ласточкой полетит...

МУЗЫКАЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО.

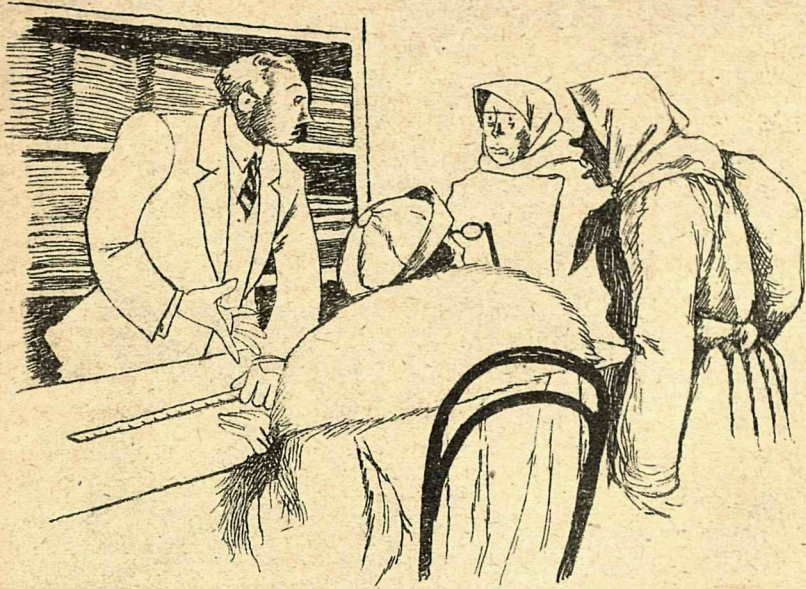
Вилами, конечно, легко распорядиться, а вот бывает так — пырнешь ими и всю музыку испортишь человеку. А тут уговаривают целому семейству ее испортить. Ну, как не грех!

По протокольному постановлению клуба Межпрома, Мариупольского порта, решено все музыкальные инструменты продать. Долго было никому неизвестно, — почему их продать надо? Оказалось, что председатель бюро приобрел для себя на основании этого постановления гитару, мандолину и балалайку, уплатив за все 13 руб. 50 копеек.

За что же тут вилами-то? И купил недорого, бережливость проявил человек, и постановление вынес соответствующее — инициативу, значит, имеет, и все семейство за тринидцать целковых музыкой занялось! Не стоит вил пачкать,—дать ему гитарой по затылку, и ладно.

НЕ ТУДА ЛИЦОМ.

Рис. К. Елисева.

— Ты, батюшка, отпусти ситчику поскорее: нам на вокзал надо, на машину.
— Успеешь, тетка. Сперва отпущу мадам. Их тоже машина ждет—у подезда...

ВЕСЕННЕЕ.

(Невероятное событие).

Весна в разгаре. Солнце уже льет свои горячие лучи на землю. Один из этих лучей пробился в открытое окно, на миг осветил точно отполированную голову Ивана Петровича Иванова, потом ударил по всей фигуре его. Значек ОДВФ в левой петлице и значек ОДН в правой—ярко заблестели. Иван Петрович радостно заулыбался, заулыбались и Иван Иванович Петров, и Мария Васильевна Иванова, и Петр Петрович Васильев, которые стояли перед Иваном Петровичем в почитательнейших позах.

— Итак, Весна! Вы понимаете, граждане, на дворе Весна!?. многозначительно улыбаясь, произнес Иван Петрович, подняв вверх палец.

Никто из присутствующих не смел раньше своего зава предугадать его собственную мысль, влетевшую в его голову с весенним лучем.

— Понимаете... Ве-ес-си-на-а-а!??

Больше он не сказал ни слова, и подчиненные, теряясь в догадках, вышли из кабинета своего зава. Только через несколько дней выяснилось с такой таинственностью произнесенное Иваном Петровичем. С утра он вызвал к себе Ивана Ивановича Петрова—управдела учреждения—и просидел с ним в кабинете целых два часа. Потом позвал сторожа Кузьму Егорова и велел ему позвать весь штат сотрудников. Когда все были в сборе, то зав произнес:

— Граждане, я, так как имею застарелую болезнь, имя которой... ну это никому неинтересно, то обязан я ее, как теперь производствительность должны поднимать мы все, ее лечить, т.-е. болезнь мою, и потому я уезжаю на два месяца в отпуск на курорт. Вместо же себя оставляю Ивана Ивановича, которому обязаны все подчиняться.

Штат молчаливо выслушал небольшую речь начальника и так же молчаливо разошелся. А Иван Иванович Петров, проводив уходившего Ивана Петровича, который с вечерним поездом уже уезжал, воссел на мягком кресле своего начальника. Он стал замом.

Через несколько дней в кабинете нового зама сидели Мария Васильевна и Петр Петрович. Сам зам, многозначительно подняв вверх свой палец, произнес коротко одно слово:—Весна!

Без дальнейших объяснений все поняли значение этого слова.

Вскоре на месте Ивана Ивановича сидела бухгалтер Мария Васильевна в качестве зам зама. Сидела она не долго, всего два дня, а на третий, после того, как она перед Петром Петровичем уже без всякой многозначительности произнесла одно слово „весна“, она бешено мчалась на учрежденском авто к вокзалу.

А затем все участилось и укоротилось. После Петра Петровича, который остался замом зама зава оставались сидеть, по очереди, сначала по дню, а потом на дню по двое и, наконец, по трое: делопроизводитель, счетовод, конторщик, регистратор, милье машинистки, курьер и т. д.

Так длилось до тех пор, пока в учреждении не остался один сторож Кузьма Егоров. Он остался один заместителем всех. С утра до вечера ходил Кузьма из комнаты в комнату, начиная с курьерской и кончая „завовой“. Когда он подходил до „завова“ кабинета, то, усталый от трудов, садился на мягком кресле и говорил всегда одно и то же:

— Ну, и работа. Все равно, как бы в ответственных теперь служу. Да, трудное дело всех-замещать одному.

А потом надоело ему ходить по всем комнатам и сидеть на каждом стуле в отдельности, и он стал приходить прямо в кабинет зава, садился в кресло, думал о своем высоком положении, о чрезвычайной ответственности и засыпал. Наконец, ему стало невтерпех. Позвал сынишку своего, Ванятку, что в пионерах был, и сказал ему:

— Вот что, Ванятка. Как ты человек государственный и носишь галстук красный, и как ты есть смена старшим, а я должен отдыхать, то вот тебе ключи и доверенности, а я уж поеду, отдохну,—сказал, передал и ушел.

Ванятке сначала любопытно было быть хозяином целого учреждения. С довольным видом ходил он из комнаты в комнату, садился за стол какого-нибудь управдела и говорил:—Вам что угодно? Зава? Его нет. Он сейчас занят важным делом—кушает.—Смеялся своей выдумке и переходил на другой стул, повторяя в различных вариантах разговоры с посетителями.

Но через день наскучило ему это ничегонделание, да и отряд „Кроводный зуб“ ушел в лагерь. Затосковал Ванятка. Не знает, как ему быть, на кого ему оставить все учреждение. Наконец, надумал. Была у него со-

бачка Жучка—смышленная, бестия. Позвал он ее в кабинет зава, сам сел на мягкое кресло, потом многозначительно поднял палец вверх и таинственно произнес:

— Вот что, Жучка. Теперь *Весна!* Ты понимаешь—Вес-на! На, получай доверенность, ты остаешься замом и начинай работать, а я уж побегу догнать свой отряд.—Положил на стол все доверенности, запер дверь и убежал. Жучка осталась одна.

Через несколько дней вернулся зав, пришел к своему учреждению. Но войти никак не мог, потому все двери были закрыты. Позвал слесаря, слесарь взломал дверь, и зав вошел в кабинет. Его поразил беспорядок, который царил в комнате. Все бумаги разбросаны, порваны, кругом грязь, пыль и, вдобавок, открыто окно. Но вот взор его упал на стол, а потом на мягкое кресло и лицо его, пополневшее на курорте, изобразило гримасу недоумения и брезгливости.

— Это что такое? Это что за безобразие!

В это время вбежал в кабинет Ванятка, приехавший из лагеря по делу. Увидел зава, посмотрел на открытое окошко, на стол и кресло и сразу все понял. А как понял, так и закричал, хохоча во все горло:

— Ишь, сучья дочь, не утерпела, нагадила!

— Кто нагадила?—проревел зав.

— Как кто, разве ты не видишь,—уж обижаясь на непонятливость Ивана Петровича, проговорил Ванятка.—Жучка это, я ее замом оставил, а она, вишь, что сделала. Разве так замы исполняют свои обязанности? Ежели весна на дворе, так это не резон еще, чтобы бегать в окно и гадить.

— Эх, собака, она собака и есть!

У зава глаза полезли на потолок.

Михаил Бандин.

ЗАПОВЕДИ ОБЫВАТЕЛЯ.

1. Не сотворишь себе квартиры, ни всякого подобия ее, ни на Воробьевых горах, ни на Москве-реке, ни в кремлевских подземельях, даже если ты служащий и спец.
2. Не слушай друга твоего, советуящего самоуплотниться ложно.
3. Помни день последней уплаты подоходного налога. Шесть дней собирай деньги, на седьмой—к фининспектору твоему.
4. Чти отца своего и мать чужую, если хочешь избежать неприятностей.
5. Не укради членских взносов, даже если ты секретарь завкома.
6. Не свидетельствуй о своих прибылях ложно.
7. Не при людях растрату сотвори.

АГИТАТОР.

Дьякон Козлогласов сердито отшвырнул прочь газету и сокрушенно вздохнул.

— Что, аль про животрупную церковь опять пишут?—поинтересовалась дьяконица.

— Хуже...—отозвался дьякон: про радио пишут. А радиэ эта самая мать, такая штука... Такая штука... Одним словом, зловредная вещь.

— Что же это, насекомая какая-нибудь, или лихая болезнь?

— Плепарат и вещество,—пояснил дьякон,—но силу большую имеет и на бесовское наваждение похоже. К примеру, установят мужички наши радиэ эту самую и без всякой проволоки могут с самим Михаилом Ивановичем Калининим разговаривать. Скажем, бабахнут, куда следует: дескать, так, мол, и так: живет в селе Медведовке дьякон Козлогласов, коренной контр и самогонщик, который вместе с попом за требы с гражданов дерет. А когда со свечами поведут—разбирайся опосля, доказывай, что ты не контр и самогон не сверх меры употребляешь. И чуёт мое сердце, что наши мужики радиэ эту самую обязательно обладат. Избу-читальню обладили, киператив устроили, Добрый Хим есть в селе—и радиэ булет. А тогда—кума Матрена, не подвертывайся. И мне, и бате, и кулачкам нашим—крышец!

— Господи!—пугливо пробормотала дьяконица:—ужли-ж такое будет? Без проволоки, говоришь? И везде слышно? Прямо наваждение!

Несколько минут оба сидели молча. Наконец, дьякон схватил шляпу и сказал:—Пойду, мать! Меры надобно заблаговременно принять против радиэ. Агитацию среди мужичков распропагандировать, вот что. Может, и мичует наше село чаша сия!

Дьякон ходил по селу из избы в избы и везде ораторствовал:

— Читали, чай, газеты-то? Везде про радио пишут. А радиэ эта штука вредная, вроде бесовского наваждения. Телеграф, телефон, электричество—это по научности, там слова и токи разные по проволоке куда хошь бегут. А тут—без всякой проволоки. Установил плепарат—и калякай хошь с мериканцами. А в случае какие непорядки на селе,—прямо через одну раз'единую минуточку можно в Москву сообщение сустроить. И всякие романцы, концерты и речи за тыщу верст слышать. Ну, сами посудите, рази это мыслимо? И, главное, без проволоки. К примеру, стану я у околицы, да во весь голос обложу матюком бату наше, о—рази он услышит, ежели без проволоки, а он на другом конце села живет? Ни в жисть! Прямо, чудеса!

— Воистину, чудеса!—вздыхали бабы.

— Ишь ты! Без проволоки, говоришь, а за тыщу верст слышать? Здорово, мать его в курицу!—восхищались мужики.

— Чего уж не здорово!—заканчивал свою речь дьякон.—Насчет радиэ вы покумекайте промежду себя. Потому,—прямо, наваждение!

Мужики удивленно чесали затылки, а дьякон мчался дальше.

Через два дня дьякон увидел проходившего мимо приятеля, лавочника Елдырина.

— Эй, кум!—окликнул он его:—что голову повесил? Аль из милиции идешь?

— На школе был,—угрюмо отозвался Елдырин:—мужички кружок радиэлюбителей постановили огарнизовать и плепарат выписать.

— Как так?—вскричал удивленно дьякон:—ох, чуяло мое сердце! Кто же их надоумил?

— Как-будто не знаешь!—киво усмехнулся лавочник:—твоя милость, вот кто. На школе мужички калякали,—дескать, дьякон нам все уши радиэ прожужжал. Такую агитацию развел,—приходи любоваться. Ежели бы, говорят, не дьякон, спасибо ему, мы бы по своей темноте не додумались.

Дьякон утопил обе пятёрки в своих густых космах, рванул и бросился в дом.

Н. А. Карпов.

Рис. Н. Купреянова.

32
РОССИЙСКАЯ
23 МАЯ 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

— За что Ивана Митрича из партии-то вычистили?
— Сказывают, плохой был коммунист: у себя хлев не чистил...